

Генваря 14 1862 г. Киргизская степь.

Любезный другъ Федоръ Михайловичъ

Ты вѣрно полагаешь, что я давно уже умеръ, а между тѣмъ я живъ и доказательствомъ тому можетъ послужить это письмо. Я до сихъ поръ не писалъ тебѣ по /разнымъ уважительнымъ/ причинамъ, которыя будутъ теперь изложены. Во первыхъ, я самъ думалъ въ Октябрѣ быть въ Петербургѣ, потомъ заболѣлъ и оставилъ это намѣреніе до Декабря. Такъ какъ здоровіе мое и въ декабрѣ [было] /оказалось/ очень слабымъ, то я склонился на совѣтъ сибирскихъ докторовъ зиму провести [здѣсь] /въ степи/, а теперь пришелъ и самъ къ тому заключенію, что съ моимъ здоровіемъ въ Петербургѣ жить постоянно нелѣзья. Поэтому я хочу получить [одно] мѣсто консула въ Кашгарѣ, а въ противномъ случаѣ выйдти въ отставку и служить у себя въ ордѣ по выборамъ. - Въ Кашгарѣ я бы сталъ получать хорошее

// л. 5

содержаніе, климатъ хорошій - можетъ быть здоровіе мое поправилось бы. Если это не удастся и въ степи будетъ не дурно. Буду заниматься хозяйствомъ, торговлей, а въ случаѣ выбора народа буду честнымъ чиновникомъ и вѣроятно принесу своимъ родичамъ болѣе полъзы чѣмъ ихъ безграмотныя и дикія Султаны. [Годъ] /Черезъ/ /годъ/ или два [ст] /мы/ станемъ ѣздить въ Петербургъ, проведемъ съ добрыми друзьями нѣсколько пріятныхъ мѣсяцевъ, запасемъ новыми книгами, *новыми идеями* и опять въ орду къ Киргизамъ. Вѣдь это будетъ не совсѣмъ дурно, неправда ли голубчикъ Федя? Все это хорошо и вещь очень возможная еслибъ здоровіе мое нѣсколько поправилось. Правда и теперь я чувствую себя относительно лучше, но все таки

// л. 5 об.

не такъ какъ бы слѣдовало. И такъ я остаюсь на зиму въ ордѣ, лѣто проведу также въ ордѣ; чтобы взять полный курсъ леченія кумысомъ и къ осени, если останусь живъ, явлюсь въ Петербургъ и обниму тебя такъ здорово, что ты навѣрно закришишь. Въ степи, братъ, только скучновато, за то лѣчусь какъ хочу и никто не мѣшаетъ. Слѣдую совѣту одного доктора сибирскаго, но человѣка достойнаго уваженія (ты его не знаешь) — я далъ зарокъ ничего не дѣлать<,> ничего не пишу, ничего не читаю, однимъ словомъ не изнуряю умственныхъ способностей — въ этомъ заключается мое леченіе и [в] /о/тъ этого происходитъ моя скука. Здѣсь можно бы найти развлеченія другаго рода - охота съ орломъ, съ собакой<,> съ ружьемъ и проч. но проклятое мое здоровіе этого ни коимъ образомъ не позволяетъ. Лежи да и только.

// л. 6

Что дѣлаетъ Михайло Михайлови<чь> какъ идетъ юное его дѣтище [Вр] и нашъ добрый пріятель «Время»? Я газетъ не получаю и потому рѣшительно ничего не

знаю. Кланяйся Михайло Михайловичу<,> Николаю, и всѣмъ [н]/в/ашимъ. Майкову и его женѣ передай мой усердный поклонъ. Полонскому, Страхову тоже. Если увидишь Николая Курочкина скажи ему что собираюсь ему писать. Теперь моя просьба къ тебѣ. Читать нечего, какъ я уже сказалъ, поэтому высылайте пожалуйста «Время» послѣ разсчитаемся за это, да если твои средства позволяютъ подпишись для меня на «Современникъ». Адресъ мой: въ Кокчетавскую станицу, черезъ г. Петропавловскъ, въ Западной Сибири.

Не забудь. Вышли мнѣ свою /фотограф./ карточку и собери тоже самое со в<с>ѣхъ моихъ хорошихъ знакомыхъ — всѣ мнѣ обѣщали — Майковъ, Полонскій, Крестовскій<.>

<Слева на поляхъ сделана записка: Маріѣ Дмитріевнѣ свидѣтельствую мое глубокое уваженіе, надѣюсь что здорова и не забыла насъ грѣшныхъ.

Валихановъ. — *Ред.*>

// л. 6 об.

<На конверте:>

Его Высокоблагородію
Федору Михайловичу
Достоевскому

Въ С<.>Петербургѣ
[къ]/Въ/ редак[т]/цію/ журнала
«Время»

<Штемпель: 16 ЯНВ. 1862 КОКЧЕТОВЪ. - Ред.>

<На обороте конверта:>

<Штемпель: 9 ФЕВ. 1862 С. ПЕТЕРБУРГЪ. - Ред.>